

Государи Московские

МЛАДШИЙ СЫН
ВЕЛИКИЙ СТОЛ
БРЕМЯ ВЛАСТИ
СИМЕОН ГОРДЫЙ
ВЕТЕР ВРЕМЕНИ
ОТРЕЧЕНИЕ
СВЯТАЯ РУСЬ
ВОЛЯ И ВЛАСТЬ
ЮРИЙ

Дмитрий Балашов

ГОСУДАРИ
МОСКОВСКИЕ

ВОЛЯ И ВЛАСТЬ
ЮРИЙ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 20

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-26744-2

© Д. М. Балашов (наследники), 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ГЛАВА 1

Василий был в ярости. Бешено мерил шагами востроносых, шитых жемчугом зеленых тимовых сапогов особную вышнюю горницу княжеских теремов, устланную восточным ковром и уставленную поставцами с дорогою русскою и иноземной посудой, которою не часто и пользовались — боле для пригостя стояла.

Уже дошла весть о стыдном разгроме Двины новгородскими молодцами, а уж задалась было она великому князю Московскому, и о взятии Орлеца, где был захвачен неудачливый ростовский князек Федор, посланный на Двину для сбора дани. (И неволею подступало так, заключать мир с Новым Городом!)

И более того: доходили смутные вести, что разбитый татарами Витовт готов заключить новый союз с Ягайлой, отдающий в грядущем великую Литву в руки польского короля! Вот тебе и все высокие речи тестя, породившие надежды на то, что его, Васильевы, дети учнут княжить в Литве. Потому и разрешил он захватить Смоленск, не помог рязанскому князю, оттянувши его от Любутска, и позволил затем Витовту разорить всю Рязанскую землю, по сути порушив старый московский договор с Рязанью, еще великим Сергием заключенный! Особенно стыдная измена, ибо за Федором, сыном Олега Рязанского, была замужем его, Василия, родная сестра!

И союз с тестем против Великого Нова Города... Слава Богу, что хоть новгородцы не дались на обман, не разорвали союза с немцами и не позволили втянуть себя в войну, возможным исходом которой был бы захват Витовтом Новгорода Великого!

И испорченные отношения с Ордой, и гнев своей же боярской господы — все это даром, дуром и попусту!

А теперь смерть сына, проигранная Нову Городу война, и эта брюхатая (опять, поди, девку принесет!) упрямая литовская баба, которую он до дрожи любил, а сейчас до дрожи ненавидел, так и не уяснившая себе, что он не подручник Витовтов, а великий князь Владимирский и православная Русь отнюдь не вотчина католического Рима!

А это уже не сказки, не слухи, не возможный оговор! Вот противень того подлого соглашения Витовта с Тохтамышем, захваченный и привезенный ему, ему, великому князю Московскому!

Схватил, шваркнул об пол, давил сапогом, как ядовитую змею, бесценный литовский кубок из яйца Строфилят-птицы в иноземной серебряной оправе. Хотел было разбить и кувшин белой глины, из далекого Чина привезенный, расписанный змеями и махровыми круглыми цветами тамошней земли, но удержался, жалко стало. Слишком дорога была китайская белая полупрозрачная посуда, которую не умел делать более никто в мире, ниже на Софьином Западе хваленое!

Софья немо смотрела, белея лицом, на яростную беготню супруга. Стояла, полная, плотная, в распашном саяне своем, скрывавшем вздернутый живот, голова убрана жемчужной низкой и повойником. Давно уже одевалась по-русски, пряча волосы, заплетенные в две тугие косы, дабы не отличаться от местных боярынь московских. И как это она далась на обман, связавши свою судьбу с этим сумасшедшим русичем и до горькой обиды женской ставшим уже родным ей человеком! Великий князь! А ведет себя порою не лучше пьяного польского шляхтича! Подумала так, и пришло вдруг горестное озарение, что никто и не был лучше тогдашнего княжича Василия, да, пожалуй, и нынешнего московского князя, милого лады ее!

Женщина в тридцать лет, много рожавшая (за восемь годов брака четыре ребенка: два сына и две дочери — шутка ли!), вознесенная на вершину власти Владимирской земли, — великая княгиня Московская! — совсем не походила на ту сероглазую

девочку, с которой Василий, в полузабытом замке, еще тоже не князь Московский, а попросту княжич, один из многих сыновей своего великого отца, целовался у пахучей ржаной скирды в предместье польского города Кракова. И та сумасшедшая скачка, и слепо отталкивавшие его руки девушки, и ее неожиданно жаркий поцелуй, и хрипло произнесенные слова: «Не забудешь, князь?» Где все это?! Утонуло в череде суровых лет, заполненных без остатка ежедневными трудами вышней власти! А теперь еще эта неожиданная смерть Юрика, столь полюбившегося ее грозному отцу. Когда была она позапрошлым летом со всеми детьми в гостях у него в Смоленске, городе, отобранном батюшкой у бесталанного смоленского князя Юрия Святославича. Еще до этого страшного сражения с Едигеем, до разгрома на Ворскле всей литовско-польской рати, собранной отцом, разгрома, перевернувшего и перечеркнувшего все дальние замыслы родителя!

И как помнилось теперь, сколь сразу постарел отец: щеки обвисли, отчего круглое «котиное» лицо стало едва ли не квадратным, а под глазами легли тяжелые круги, и в глазах, полных по-прежнему властной силы, уже не вспыхивала озорная, юношеская удаль, что так привлекало к нему женщин и отчего у нее самой, у девочки-дочери, начинала сладко кружиться голова. Отец был торжествен и хмур. Он готовился к разгрому хана Темир-Кутлука, намеревался стать господином всей Русской земли. Он не замахивался, как польские ксендзы, на святыни православия, напротив, послал с нею зятю дорогие иконы греческого и смоленского письма в окладах червонного золота и святыне страсти Спасовы, принесенные некогда из Цареграда в Смоленск.

Мать держалась. Была все так же роскошно одета в переливчатый шелк и фландрский бархат. Тщательно набелена и нарумянена, в алмазном очелье, в колтах, украшенных индийскими рубинами, но выдавали руки, потемневшие, сморщенные в узлах вен, высохшая шея, хоть и почти вся залитая серебром, жемчугом и лалами многочисленных бус. И Софья подумала вдруг: не в последний ли раз видит мать?

Она ткнулась лицом ей в мягкую обвисшую грудь, замерла, со страхом чувствуя, что вот-вот расплачется, нарушив весь торжественный чин встречи... Потом прошло. Вечером, после столов, ели материно любимое варенье, вспоминали Краков, Литву, Ягайлу и невольный свой плен в ляшской земле. Мать расспрашивала про Василия, и все не то и не о том, о чем хотелось с нею поговорить... Да и дети! Дети обвесили бабу свою, Ванек и Юрко, Нюша и крохотная Настя, которая, ковыляя, то и дело вставала на четвереньки и временем оставляла мокрые лужицы на коврах... И как тогда отец, с доброй улыбкою на лице, выходил, держа на каждом плече по внуку, и предсказывал им грядущую власть в русской земле...

И она так верила! Так ждала победы, так деятельно готовила Василия к тому, чтобы уступить, не мешать, даже помочь отцу в его многотрудных замыслах! И так казалось близким и столь достижимым жданное торжество! И королевская корона на батюшкиной голове, и конные ристалища на Москве, и танцы, что тогда она начнет устраивать польским навычаем в богомольной столице Василия!

Отец строил замок у себя в Троках, и каждый крестьянин или купец, въезжая в город порожняком, должен был привозить по большому камню, и стены росли прямо на глазах, до высоты пушечного боя из гранитных валунов, а выше — из кирпича. Такие же сводчатые залы и замкнутые внутренние дворы, как в рыцарских замках Ордена, такие же висячие переходы — замок на острове, с тройною защитой ворот. И Софья, закрывая глаза, уже словно видела это чудо, сотворяемое ее отцом у себя на родине взамен низкого, схожего с медвежьей берлогою, обиталища старого Кейстута. И только одно долило: вера! Знала, уведала, поняла уже, что русичи от православия не отрекутся ни в жисть, и тут ее отцу... Да почему отцу! Ванята с Юриком оба крещены по православному обряду. Впрочем, о далеком будущем не думалось тою порой! Отец был с ней! Прежний, великий, властный и умный, умнее всех! И о татарах он говорил небрежно, считал, что пушки решат все, и лучшая татарская конница не выдержит огненного боя, ринет в бег,

и останется только гнать и добивать степняков, вдоволь уже проученных Тамерланом! И после того Орда, татарская дань, набеги, пожары, полоняники, бредущие к рынкам Кафы и Солдайи, — все минет, все будет обрушено и прекращено одним ударом! А после присоединения Нова Города и Пскова к державе отца — сам папа римский неволею возложит корону на его голову! А она? Сможет ли тогда побывать в Риме, Флоренции, сказочном Париже, куда польские паны посылают своих детей в услужение тамошним рыцарям? У нее от отцовых замыслов кругом шла голова, и все казалось так достижимо и близко, стоило лишь руку протянуть!

А Василий, почти забытый ею в этот миг, глянув на Софью скоса суровым зраком, узрел вдруг беззащитно девичье выражение ее лица, тяжесть ее чрева и, отворотясь, вновь с болью ощутил на губах нежный ротик погибшего сына, когда Юрко целовал его перед сном. Вспомнил его тонкие рассыпающиеся волосики, разгарчивое лицо, когда шестилетний малыш садился на коня со смешанным выражением восторга и ужаса в глазах!

И теперь единая надежда сохранить и передать власть — Ванята, Ваня, четырехлетний увалень... Не будут уже смешно ссориться братья, точно два медвежонка, молча, сопя, выдирать друг у друга из рук какую-нибудь глиняную свистульку или деревянного резного коня... Не будут! И как они, постоянно ссорясь, все одно не могли жить друг без друга... И как же теперь?

Софья плакала. О несбывшихся отцовых замыслах, потерянных своих мечтах, о старой матери, не умеющей скрыть возраста своего, о погибших в немецком плену братьях, о надеждах, которые всегда обманывают нас, даже сбываясь.

Софья плакала, а Василий, устыдясь, подумал, что плачет она о сыне, и неуклюже прикоснулся к ней, полуобнял, проворкотав: «Господь... Воля его...» У него оставался Иван, оставались не свершенные суздальские дела, Псков и Новгород, которые нельзя было отдавать латинам, тысячи дел, малых и больших, из которых и состоит то, чему название — вышня

власть и от чего властитель, не жаждущий проститься с престолом, не должен, да и не может, отстраниться даже на миг! У нее — лишь горечь несбывшихся надежд, своих и родительских, горечь смутного позднего озарения, что иной судьбы, кроме сущей и уже состоявшейся, ей не дано, как не дано иного супруга, кроме Василия, и иной земли, кроме Руси, России с ее снегами, лесами, морозами, с ее нравным народом и потаенными обителями иноков в древних борах и чащобах, блудущих, как они сами глаголют, истинные заветы Христа...

Василий дернулся. Еще раз неуклюже приобнял ее за плечи. Собиралась Дума, и пора было выходить к боярам.

На сенях, у входа в думную палату дворца сидели, сожидая князя, двое бояринов: оба седатые, оба, уложив старческие длани в перстнях на тяжелые трости, — Костянтин Дмитрич Шея-Зернов, коему пошло уже далеко на восьмой десяток, и Иван Андреич Хромой, шестидесятилетний муж, из широко разветвившегося рода Акинфичей, на коего Костянтин Шея ради разницы лет взирал слегка покровительственно.

И тот и другой в долгих шубах: Иван Хромой в собольей, а Костянтин Шея в шубе из седых бобров; и оба в круглых, высоких, опущенных сибирским соболем шапках, с тростями с резными навершиями зуба рыбьего, только у Костиантина Шеи рукоять украшена бухарскою бирюзой, а у Ивана Хромого посох усыпан речным северным жемчугом. Они пришли решать о мире с Новым Городом и теперь сожидали останних бояр Думы государевой. Оба знали о стыдном двинском погроме, и у обоих были к тому свои зазнобы. Костянтин Шея выдал дочь замуж за несчастливого ростовского князька, схваченного и ограбленного в Орлеце. «Отличился зятек!» — со снисходительной насмешкой отвечал теперь Шея на вопросы, попреки и сочувствия ближников. И не понять было, сожалеет ли он сам об оплошке ростовского зятя, радуется ли зазнобе родича, не поддержавшего семейную честь. А Иван Хромой, вдосталь обеспокоенный судьбою своего самого крупного владения, все не мог допытать: пограбили новгородцы волость Ергу, доставшуюся ему вместе с рукою сестры убитого на Воже

Монастырева, или обошли стороной? Свои холопы отголь еще не прибыли, а от посельского дошло зело невразумительное послание, процарапанное на бересте, что, мол, «Ушкуеве пако-стя Белозерский городок ограби, а ле сѣла ти неведе бысть». Что хотел сказать посольский этим «невеле бысть», Иван Хромой, как не бился, понять не мог. И теперь, кроме дел государевых, сожидал встречи с княжым гонцом, дабы уяснить размеры возможных проторей.

Поглядывая друг на друга, бояре, своих бед не касаясь, вели неспешный разговор о том, что волновало всегда и всех: честь в Думе была по месту, кто кого выше сидел, да и выгодные службы, на которые могли послать, а могли и не послать, решались по ряду и родовой выслуге. Тому и другому не нравилось начавшееся при Василии Дмитриче засилие наезжих смоленских и литовских княжат, Ростиславичей и Гедиминовичей. Обсудили и осудили входившего в силу Ивана Дмитрича Всеволожа: «Торопит князек! Побогател-то с Микулиных волостей, не инако! С наше бы послужил исперва!» Потом перешли на только что прибывшего на Москву литовского князя Юрия Патрикеевича, что «заехал» многих бояр, получивши место в Думе не по ряду и заслугам, а единственно по тому, что Гедиминович великой княгине Софье по пригожеству пришел. «Больно много воли бабе своей дает!» — снедовольничал Хромой, не называя поименно ни Софью, ни Василия. Шея лишь дернул усом, смолчал. Корить великого князя — самое пустое дело!

— Он-ить и вашего Федора Сабура заедет! — не отступался Хромой. — И Воронцовых, и Митрия Василича, и Собакиных, и Добрынского!

— Ну, Федор Сабур тех всех выше сидит! — возразил Шея, слетка пошевелясь в своем бобровом опашне. Со спокойствием, рожденным преклонностью лет, стал перечислять, кто под кем должен сидеть и сидит в Думе государевой из Вельяминовых, Акинфичей, Кобылиных-Кошкиных, Зерновых, Бякотовых, Морозовых и Квашниных. Выходило, что бояре старых родов пока не очень-то уступали наезжим княжатам.

— Выше всех сидел при великом князе Дмитрие Федор Андреич Свибл! — не удержавшись, похвастал Хромой местом опального старшего брата. Шея, хитро скосив глаз, глянул на него. Акинфичи сумели не пострадать после опалы старшего родича, а все же Ивану Хромому говорить того бы не след!

— Выше-то выше, да, вишь, и не усидел! — возразил он с подковыркою. — Бога в кике не хватило!

Готовый разразиться спор, впрочем, утих, ибо в покой вступил Иван Федорович, а за ним, опираясь на посох и прихрамывая, его старый отец, бессменный при покойном князе посол ордынский Федор Андреич Кошка.

— Что, не заратилась Орда? — обратился к вошедшим с вопросом Костянтин Шея, показавши при этом как бы желание встать, приветствуя Федора.

Иван, румяный, кровь с молоком молодец, на голову выше отца, ответил за родителя:

— Куда! Там у их ноне колгота опять. Едигей, кажись, задумал хана менять, дак не до нас им!

— Да как, други, будем с Новым Городом решать? — вернул разговор к тому, что предстояло на Думе, Костянтин Шея. — Погромили нас на Двине?

— Слух есть, — хрипло подал голос, усаживаясь, Федор Кошка (болел, простыл ныне в осень, ездючи в Тверь на похороны князя Михайлы, да все и направиться не мог), — что не все у их, у новгородцев, гладко прошло. Двинского воеводы брат, Анфал, сбежал, вишь, сказывают, с пути, дак и того, дружину, навроде, сбирает!

— А и попусту! — вмешался Иван Хромой. — Мои волости пограбили, ай, нет, нечем, а торговля страдат! Гостям пути нет ни туда, ни оттоле!

— А казне — серебра! — поддержал, входя в палату, Александр Остей. — Надобен мир, бояре!

Думцы один по одному заходили в покой. Полуднею. Ждали токмо братьев великого князя и владыку. Решение замориться с Новым Городом уже тут, в преддверии, было почти принято.

Толк стал всеобщим. Поминали и Новгород, и недавнюю пристойную смерть Михайлы Александровича Тверского, и могущие быть от того изменения в тверском княжеском доме, и вновь недавнюю пакость на Двине. Гул голосов прокатывался из конца в конец. Но вот придверники, звякнув копьями, вытянулись у входа в думную палату. Бояре завставали с лавок. Взошел Василий, и вслед за великим князем в отверстие двери, блюдя чин и ряд, думцы потянулись в широкую, в два света, палату, где и зарассаживались по лавкам одесную и ошую тронного кресла великого князя Московского, оставляя места для владыки и братьев великого князя: Юрия, Андрея и Петра (младший, Константин, по возрасту в думных заседаниях еще не участвовал).

Серебряные сулицы охраны звякнули еще раз. Вводили новгородских послгов.

Вечером изрядно уставший Василий, протягивая ноги постельнику, освободился от сапогов, ополоснул лицо и руки под рукомоем и, махнув рукою холопу: иди, мол, не надобен пока! — прошел в смежную горницу жены, сел на лавку с резным подзором и, глядя, как Соня, распустивши косы, расчесывает волосы (сенная боярыня, завидя князя, выскользнула из покая змеей), стал рассказывать, что и как происходило на Думе, да что говорили бояре, и что сказал Юрко.

— Юрий твой, — с нежданною злобой возразила Софья, — спит и видит, как бы на твое место сесть! Грамоту не подписал отказную! И не подпишет! И на дочке Юрия Святославича недаром женился! Беглый князь! Эко! А пото женился, чтобы батюшке зазною сотворить! Смоленск отобрать и вновь отдать Юрию! Да, да! И меня он ненавидит! И я его ненавижу, ты прав! — выкрикнула Софья, завидя, что Василий открыл было рот, дабы возразить.

— А ты про договор отца с Тохтамышем знала? — спросил Василий низким голосом, сдерживая плещущий гнев. — Тогда? До сражения? Когда в Смоленске гостила?! — домолвил, возвышая голос.

Софья спохватилась первая, понявши, что воспоследует, ежели князь, начавший привставать на напряженных ногах, подыметя и ударит ее. Но и Василий понял. Двинув желвами скул, повернулся, задержавшись на миг у порога, но смолчал, не вымолвил бранного слова, вышел, шваркнув тяжелую дверь так, что та с глухим треском вошла в ободверину.

Софья плакала, повалясь на застланную кунным одеялом постель. Плакала со злобы и горя, и с того еще, что Василий был, по существу, прав и отвечать ей ему было нечего.

ГЛАВА 2

Есть что-то predetermined, символическое в том, что Михаил Александрович Тверской, последний великий противник московского княжеского дома, умер в том же 1400 году, когда, с разгромом Витовта, завершился первый период собирания Руси Московской, точнее сказать, была создана та система устройства власти, которая, худо ли, хорошо, со всеми неизбежными историческими срывами позволила маленькому лесному московскому княжеству объединить, совокупить и создать великую страну, великую Русскую империю, перенявшую наследство монгольской державы Чингизидов и ставшую в веках вровень с величайшими мировыми империями: Римом и Византией, прямою наследницею которой, «Третьим Римом», и стала считать себя со временем Московская Русь. Но до того, до осознания этой гордой истины, должно было пройти еще целое столетие, столетие славы и бед, подвигов и крушений, весь сложный пятнадцатый век, который почти невозможно, в силу многих и разных причин, окинуть единым взором и включить в единую причинно-следственную цепь. Грядущего иногда лучше не знать! Хорошо, что Михайла Тверской умер «до звезды», на самом пороге XV столетия!

Князь разболелся о Госпожене дни (Успение Богородицы 15 августа ст. стиля) «и бысть ему болезнь тяжка». Князю, родившемуся в 1333 году, исполнилось 67 лет. Мог бы пожить и еще, — так-то сказать! — да, видно, вышли уже все те силы,

что кипели когда-то и держали его в мире сем. И осталось одно — достойно умереть. И это — сумел.

О чем думает человек, когда приходит время сводить сче-ты с жизнью? О наследниках дела своего. О прожитой судьбе. О вечности.

Обо всем этом мыслил Михайло, почуявши полное изне-можение сил телесных. Нутро отказывалось принимать пищу, да и руки плохо слушались. Евдокия сама кормила его с сере-бряной лжицы, старинной, дорогой, красиво изогнутой, с дра-гим камнем в навершии короткой узорной рукояти, родовой, памятной... Мир сократился до этой вот тесовой горницы, за-стланной шамаханским ковром, до этого ложа, до этих вот не-многих утварей родовых, любимых... Да еще до мерзкого запаха собственного тела. Дуня, слава Богу, делает вид, что не заме-чает ничего, и заботливо перестилает ему, с помощью прислуги, раз за разом постель. Князь лежал в белье: в полотняной руба-хе, пестрядинных домашних портах и вязаных узорных но-сках, приподнятый на алом, тафтяном, высоком подголовнике (так легче было дышать), укутанный сверху курчавым ордын-ским тулупом, как любил, как укрывался в путях и походах, глядел на колеблемые огоньки свечей и крохотную звездочку лампадного пламени под большими, тверского и суздальского писем, иконами домашней божницы. Временем задумчиво взглядывал на Евдокию, на ее стоический лик, угадывая не-престанные ее печалования о детях, о зажитке, о нравном стар-шем сыне Иване. Самый старший, Александр, недолго жил и умер поболее тридесяти летов назад, и уже десять лет как скончался и второй, тоже Александр, прозванием Ордынец, си-девший на Кашине. Это после его смерти Иван стал старшим среди братьев: Василия, Бориса и Федора, женатого на доче-ри московского боярина Федора Андреича Кошки, с которым Михаил когда-то познакомился в Орде. Как недавно... и как давно все это было!

Драться всерьез, драться за великий стол Владимирский Михаил прекратил четверть века назад. Все последующие по-ездки в Орду, робкие попытки получить ярлык у нового хана —

все то не в счет. Сам знал уже, что уступит, уступил с того памятного дня, когда под Тверью врубался сам в дружины идущих на приступ московских ратей, многожды кровавая сабля и ни во что ставя собственную жизнь. С той страшной осады, когда ни литвины, ни татары не подошли на помощь и он подписал мир с Дмитрием, мир и отречение от вышней власти, с часа того Михаил уже взаболь не спорил с Москвой.

И когда третье лето тому назад Иван Всеволодич Холмский отъехал на Москву, приславши взметные грамоты, Михаил не стал ни зорить его волости, ни занимать своими боярами его городов, предоставляя времени содеять то, что ранее содеят было обязательно сам и на силу.

Иван Всеволодич, будучи на Москве, женился на сестре великого князя; и это Михаил воспринял спокойно, стараясь не задумывать о том, что Холмский удел может отойти к Москве. Бояре были в недоумении, он же попросту начал понимать с возрастом, что иные тайны судеб народных не подвластны людскому хотению, а идут, капризно извиваясь, по каким-то своим, свыше начертанным законам и все усилия человеческой мудрости способны разве изъяснить прошлое, но никак не грядущее, о коем можно токмо гадать по прикиду: ежели, мол, произойдет такое-то событие, то из того возможен произтечь такое-то следствие, и опять — ежели... А ежели нет, то... И так далее.

И теперь вот, предчувствуя грядущие споры и свары в тверском княжеском доме, поскольку не примыслами, но переделом своих вотчин будут жить его потомки, доколе их не поглотит Москва, он все-таки обдумывал душевую грамоту, долженствующую укрепить единодержавие в земле Тверской, подобно тому, как укрепляли единодержавие государи московские. К чему? Зачем? А — надо было! Ибо всякое действие, обгоняющее Господнее течение времен, как и действие, отстающее от этого течения, пытающееся удержать в неизменности прошлое, всякое действие таковое — суета сует и всяческая суета, негодная Владыке Сил.

Ради Евдокии, спокойствия ее, поторопился с грамотою. Велел позвать дьяка, бояр, тверского владыку Арсения, настоятеля Отроча и иных монастырей.

Сына старшего, Ивана, вызвал прежде, одного. Требовательно глядя ему в глаза, повелел кратко:

— Помиришь с Иваном Всеволодичем!

Сын понял, сумрачно кивнул головою.

По душевой старшему с его детьми, Александром и Иваном, доставались: Тверь, Новый Городок, Ржева, Зубцов, Радилов, Вобрынъ, Опоки, Вертязин — львиная доля княжества. («Иванов шурин, Витовт, будет вельми доволен!» — подумал с бледной улыбкою.) Княжичам Василию и Борису (а за смертью Бориса — сыну последнего, Ивану Борисовичу) — Кашин и Кснятин с волостями. Младшему, Федору, — оба Микулины городка с волостью. После чего следовали обычные наставления детям: жить в мире и не преступати отцовского слова и душевой грамоты.

Отпустивши бояр и клириков, лежал без сил, чувствуя противную слабость и головное кружение. Морщась, сделал знак переменить порты.

Обмытый, переодетый, накормленный, соснул было, но тут по шевеленью в сенях понял, что страшат взойти и советуют друг с другом. Оказалось, пришла весть, которую уже и ждал и не ждал. Из далекого Цареграда воротился протопоп Данило, посыланный к патриарху с милостынею. Узнавши, кто и с чем, Михаил повелел принять протопопа и провести прямо к нему в покой. Еще раз бледно усмехнул, заметивши, как испуганно метнулись глаза посланца, узревшего померкший и высохший лик великого князя Тверского.

Протопоп принес князю патриаршее благословение и отдарок — икону комненовского письма, изображающую Страшный суд. Михаил велел поставить икону у себя в покое и долго, и час, и два, и три, смотрел на нее. Глядел, и думал, и подивился даже: как там, в Цареграде, сумели понять, что образ будет ему напутствием в тот мир? Станет ли он, князь, среди

тех вон грешников, или ему уготовано попасть в хоры святых мужей, славящих Господа? Притягивает этот долгий змей, пронизающий вселенную, голова коего разинутою пастью обращена к Христу, восседающему в силе и славе, а безобразно обрубленный хвост купается в алой бездне, в адском пламени, где властвует крылатая черная фигура Сатаны и куда ввергаются согрешившие души? Он немо разглядывал хоры праведников, пророков и вероучителей, мощное воинство, окружившее и славящее Христа, сферы, заключающие в себя равно и Бога-Отца, и Сына, и Богоматерь, и темноту адской бездны, и едва ли не впервые ужаснулся толпам притекших к последнему судилищу, на котором окончательно будет установлено: кто есть кто и чего заслуживает в той, вечной жизни, перед которой наша земная — лишь краткий миг, лишь отблеск великого пламени высшего горнего мира?

Змей? Или река смерти, уводящая в ничто грешные души? Он наконец закрыл глаза. Видение переполнило его, и он понял, что должен встать, пристойно и прилюдно воспринять патриарший дар. Вызвал постельничего. Слабым, но твердым голосом приказал призвать владыку Арсения, а явившемуся на зов тверскому епископу повелел встретить икону по полному чину, со всем священным собором архимандритов и игуменов, с пением стихир, со свечами, крестами и кадилами.

Когда все было подготовлено, повелел одеть себя и, не слушая робких возражений супруги, ведомый под руки, спустился со сеней (от свежего терпкого и чистого воздуха сладко заняло сердце и вновь закружилась голова) и сам встретил икону на княжем дворе у Святого Михаила, принародно облобызал, тут же распорядясь устроением праздника.

По отпущению литургии весь священнический и мнишеский чин во главе с владыкой Арсением был зван на пир к великому князю. Михаил сам сел за стол с гостями, повелев поддерживать себя (боялся упасть), наказал устроить и трапезу для нищих, хромых, слепых, убогих, коих кормили в монастырских и княжеских поварнях, раздавая щедрую милостыню. Испил даже заздравную чашу, обратясь ко всем сущим на обе-

де, и начал, по ряду, прощаться со всеми, иным подавая чашу из рук своих и, поцеловавши, говорил:

— Прости мя и благослови!

Иереи многие не умели при сем сдержатъ слез: «Они же, не могуще удержатися, жалостно плакаху». Князь был для них нерушимою стеною, и с его смертью уходили в невозвратное прошлое величие Твери, гордые замыслы и мечты о вышней власти.

Схлынувшую толпу рясоносных братьев сменила столь же густая толпа бояр и слуг — постельничих, дворецких, ключников, придверников, конюшенных, псарей, сокольничих, слуг под слугами... Он и тут целовал иных, прощаясь с ними и приговаривая меж тем, чтобы любили братию свою, не обижали друг друга и были милостивы к низшим себе.

— Не дерись! Не пей излиха! И коней береги! — выговаривал с вымученною улыбкой ражему детине — старшему конюху, от коего неистребимо несло конским потом, и тот, низя глаза, нещадно обминая руками сорванную с головы шапку, только потел и кивал головой. И когда князь вымолвил наконец: «Ну, Вошило, почеломкаемси в останешний раз!» — скинул на господина испуганный взор, рухнул на колени и прижался нежданно мокрою от слез мохнатою мордой к рукам Михайлы, не позволяя себе поцеловаться даже и перед смертью с великим князем Тверским. А Михайло поднял его, коснувшись бессильными руками плеч конюшего, и все-таки поцеловал трижды, легко касаясь губами, как по обряду надлежит. Так и шло и час, и второй, и еще неведомо сколь времени. Боярам, столпившимся вокруг своего князя напоследях, тем же кротким, но ясным голосом повторил: «А вы, братья, вспомните моим детям, чтобы в любви были, яко же указах им!»

Вставая из-за стола с помощью слуг, отмотнул головою, повелел вести себя в церковь Святого Спаса, где молился перед образами Спасовым и Пречистой и прочих святых, а потом начал обходить с поклонами гробы великих князей тверских: святого деда своего Михаила Ярославича, отца, Александра Михалыча, и иных. Подойдя к столпу, на правой стороне коего

Балашов Д.

Б 20 Государи Московские. Воля и власть. Юрий : романы / Дмитрий Балашов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 672 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-26744-2

«Государи Московские» — монументальный цикл романов, созданный писателем, филологом-русистом, фольклористом и историком Дмитрием Балашовым. Эта эпическая хроника, своего рода грандиозный роман-эпопея, уместившийся в многотомное издание, охватывает период русской истории с 1263 до 1425 года и уже многие десятилетия не перестает поражать читателей глубиной, масштабностью, яркостью образов и мастерской стилизацией языка. Вместе романы цикла образуют хронологически выстроенное повествование, в котором события из истории крупных княжеств разворачиваются год за годом, отражены быт и нравы различных сословий и представлены судьбы, облик и характер сотен исторических деятелей.

В настоящий том вошли последний, завершённый роман цикла «Воля и власть» (2000) и оставшийся неоконченным роман «Юрий», впервые опубликованный после смерти писателя в 2003 году. Восьмой и девятый романы цикла повествуют о годах правления Василия I Дмитриевича, князя московского и владимирского, сына Дмитрия Донского, и последовавшей за его смертью драматической междоусобице. Вопреки воле Дмитрия Донского, желавшего, чтобы Василию наследовал младший брат Юрий, князь определил семью под опеку тестя — литовского князя Витовта. Когда умер и Витовт, обойденный наследством Юрий Дмитриевич вступил в борьбу за московский престол, предъявив свои права на великое княжение в соответствии с завещанием Дмитрия Донского...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ БАЛАШОВ

ГОСУДАРИ МОСКОВСКИЕ

ВОЛЯ И ВЛАСТЬ

ЮРИЙ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректоры Ульяна Смирнова, Ольга Попова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 11.09.2024.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.

Усл. печ. л. 41,16. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-35741-01-R